

Александр Викторович Антипов

Светлые аллеи

повесть

16+

Александр Антипов

Светлые аллеи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Антипов А. В.

Светлые аллеи / А. В. Антипов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Известный дачный посёлок, конец семидесятых - начало восьмидесятых годов. Компания подростков - "Дети водокачки". Только что закончилось детство и началась юность. Прекрасная и бесконечная. Первые шаги на пути познания взрослого мира, временами жестокого и бескомпромиссного, но такого удивительного и многообещающего. Любовные приключения юноши, его общение со взрослыми, случайно оказавшимися на его жизненном пути. Первые трудовые коллективы, воспитывающие характер, готовящие его к будущей нелёгкой жизни. События, происходившие с ним с 13 до 18 лет, в это самое беззаботное и счастливое время. Его наблюдения и размышления.

© Антипов А. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Александр Антипов

Светлые аллеи

Серый

А у тебя как велик называется? Койот? А у меня Буливар. Вот так они и познакомились, подъехав почти одновременно к колонке на улице Довженко, воды попить. Обоих не смутило, что у их велосипедов были имена собственные, как у лошадей. И никого не интересовали оригинальные марки велосипедов. Потому как были они все практически одинаковые. Что Украина, что Десна, что Урал. Большие велосипеды с высокой рамой, мощные и надежные. Особняком стояли спортивные и полуспортивные Турист, Спутник, Старт-шоссе. У этих был закруглённый вниз руль и тормоза на этом самом руле. В начале восьмидесятых появились складные Кама и Аист, которые пользовались успехом у девушек и женщин. Вообще, представить себе деревню или дачный посёлок без велосипедов было невозможно. Оно и понятно, ведь съездить по делам, в магазин, да и просто прокатиться по округе гораздо быстрее и интереснее, чем пешком. Автомобили были далеко не у всех и в булочную на них не ездили. Их, автомобили, холили и лелеяли, и загоняли в гаражи. А не выставляли, как сейчас, на показ. А вот велосипеды стояли в каждом дворе, на каждом дачном участке, аж по 3 штуки.

Так вот, вопрос, который задали друг другу подростки, касался не марки велика, а его имени. Попив ледяной воды из колонки, умывшись и остудившись, они познакомились и разговорились. Выяснилось, что, живут они недалеко друг от друга, в одном дачном посёлке. В посёлке все улицы шли параллельно, Ленина, Маркса, Энгельса и Довженко. Как в эту гоп-компанию попал маститый сценарист и режиссёр Александр Петрович, станет понятно, посмотрев на дачи, расположенные на этой улице. Изначально это были дачи Литературной газеты, он так и назывался когда-то: Посёлок Литературной газеты. В те времена, когда на углу Силенового, кажется, переулка стоял домик комендатуры (и висела соответствующая табличка). Где был единственный в округе телефон. Это были государственные дачи писателей и представителей околосредственного бомонда, просто известных творческих личностей. Не буду озвучивать громкие фамилии, достаточно сказать, что в одной из дач находится Музей Окуджавы. Подросткам Сергею и Алексу было безразлично, кто там живет. Вообще, посёлок наполняла прорва известных людей.

Как-то, много лет спустя, Алекс, будучи уже взрослым, ехал на машине с другом. Ехали по посёлку. Друг был впервые в этой округе. Ехали не торопясь, как ездят все в дачных поселках такого типа. Алекс показывал на дачи и говорил, кто-где живёт. Сидевший за рулём приятель слушал в пол уха, очевидно отказываясь верить в такое количество известнейших личностей на квадратный километр, невзрачного на вид посёлка. Решили заехать в Мичуринский магазин. Из-за поворота навстречу шёл Евтушенко с авоськой в руке, видимо из магазина. Приятель притормозил, затем вовсе остановился, разинув рот... Это Евтушенко? Его изумлению не было предела. Живой Евтушенко! С авоськой! С торчащими из неё бутылками кефира или молока, хлеба и чего-то съестного. Поехали, поехали, чего рот разинул? Не видел Евтушенко? В магазине они стояли в очереди за известным актёром. Приятель корчил смешные рожи и выглядел обалдевшим и ошарашенным. Обратились в ожидании одного иностранного режиссёра, гостившего где-то в округе. Вот такая была смешная история.

Что же до наших героев, то они, попив воды и умывшись, поехали кататься по посёлку. Благо все улицы и переулки были отличного заасфальтированы. А можно было свернуть в лес практически из любого переулка и кататься по лесу, наслаждаясь свободой. Ведь было лето, каникулы. А лето, как говорил один умный человек, лето-это маленькая жизнь! Можно было часами кататься по округе, разговаривая не о чём, получая удовольствие просто от общения. Да, да. От живого человеческого общения. И когда через много-много лет Сергей трагически

погибнет, Алексу так будет не хватать этого веселого, никогда неунывающего простого парня-Сергея Яговкина. А пока они мчатся на своих Койоте и Буливаре по лесу в сторону Самаринских прудов. Окунуться, обсушиться и разъехаться на обед. Что бы после обеда встретиться вновь и собрать всю компанию ближе к вечеру.

Да, компания сложилось сама-собой. Это были подростки примерно одинакового возраста, плюс-минус год или два. Четыре парня и четыре девчонки. Периодически компания расширялась. Все жили на дачах у родственников всё лето, иногда конец весны и начало осени. Хотя, осенью в основном все уезжали в Москву на учебу, но изредка встречались по выходным. К зиме эти встречи прекращались вовсе. Бывало, созвонившись, все приезжали в солнечный выходной, на день варенья. А весной, на год повзрослевшие, начинали ездить с апреля. А уж на майские собиралась вся компания. Кто-то уходил, найдя новых друзей, кто-то приходил, приводя своих. Собирались в разных местах. Это могла быть терраса чьей-нибудь дачи, небольшой сарайчик с сельхозинвентарем, укрытые деревьями и кустарниками от посторонних.

На участках не сажали картошку, не было грядок. Так, иногда можно было увидеть небольшую теплицу в далеком углу участка и посаженную клубнику, больше декоративную, хотя, в отдельные урожайные годы дети объедались этой клубникой. На участках росли в основном яблоки и груши, деревья: ели, липы, сосны, черёмуха, берёзы. Черемуха росла именно как дерево, раскидистое с толстыми стволами. Такое и сейчас растет под моими окнами, но уже в другом месте, в другом дачном поселке. Росло много сирени, прожавшей своими запахами и оттенками. Розовые кусты, разнообразные цветы. Иногда это был просто заросший травой и кустарником участок с заросшей дорожкой, ведущей от ворот в глубь участка к стоявшему там в самой глубине небольшому одноэтажному домику, с покрытой мхом крышей из шифера. Как на даче у одного известнейшего актера, сценариста и учителя, просто прекрасного человека, любимца нескольких поколений советских людей. Который когда-то в одном своём замечательном фильме... так навсегда, насовсем спрыгнул с трамвая... И этот хаос не считался зазорным. Просто человеку так комфортно.

На некоторых участках, особенно Горького и Гоголя были подстриженные газоны и сосны, соседствующие с тропическими зарослями на соседнем участке. И это никого не волновало и не вызывало осуждения. На одном таком участке в переулке Дружбы росли огромные яблони. Созревшие яблоки были размера необычайного видны издали возвышаясь над деревьями и кустарниками. Решили пожитьяся. Не из меркантильных соображений, нет. У всех росли яблони и урожай бывало просто некуда девать. Исключительно из озорства и удали молодецкой. Энергия пёрла и била фонтаном. Вот и лазили по соседским садам. К этим же яблоням пробраться было физически невозможно. Заросли были настолько чудовищно дикими, что не с первой ни со второй не с третьей попытки хотя бы добраться до яблонь не удалось. Порванные футболки и рубахи не стоили этих яблок и этих приключений.

Люди, живущие или приезжающие на эти дачи, находили здесь отдохновения, обретали душевное равновесие и спокойствие. Не случайно именно здесь неподалеку находился Дом творчества писателей. И большинство из них именно здесь предпочитало творить, писать свои произведения. И на въезде в улицу Гоголя стоял редкий тогда знак: Подача звуковых сигналов запрещена! Что же касается наших героев, Сергея и Алекса, по молодости они просто не понимали, что их окружает не только замечательная природа, но и замечательные люди, эгрегор.

Отмыв на колонке от грязи свои велосипеды, особенно рамы с нанесенными краской кличками их железных коней, они разъехались по домам. Надпись на одном из них, этих не устающих никогда жеребцах была сделана кроваво красным лаком для ногтей, взятым на тумбочке. Койот! Девчонки потешались над этим названием, именем. Для них это был всего лишь мелкий волчара типа Шакала из мультика про Маугли. Для Алекса же это был не просто Койот, а Эль Койот! Бандит и крутой мачо из фильма про всадника без головы. Клянусь преисподней и её сковородками! Сказал он однажды. Подавляющее большинство обеих полов испытывало

симпатию к другому, положительному персонажу, к Морису Джеральду, мустангеру. На взгляд Алекса, мустангер был какой-то слащавый и домашний в исполнении Олега Видова. Ненастоящий какой-то, салонный персонаж. За ним бегали обе главные героини. А Эль Койота, узнав настоящее имя которого, все умирали, было жалко. Мигель Диас, он же Эль Койот был подло убит главным отрицательным героем.

Словом, под седлом у Алекса был Койот, у Серёги-Буливар, понятно из какого произведения или новеллы в фильме. На велосипедах можно было быстро объездить все места, где собиралась остальная компания, а их было несколько. Как-то вечером Алекс заскочил на дачу за Серёгой, что-бы вместе отправиться на поиски остальных. Мобильных телефонов и пейджеров тогда не было и в помине, приходилось быстро объехать несколько укромных мест и найти то место, где все собираются в очередной раз. Остановившись напротив калитки Алекс громко позвал Серёгу, поленившись зайти на участок. Через несколько минут из калитки вышла Серёжина бабушка. Бабушка была хмурая и недовольная. С отцом в Москву уехал. И почему ты его так зовёшь? Какой он тебе серый? Он волк, что ли. Не смей его так называть! Бабулька повернулась и исчезла за калиткой. С тех самых пор Алекс никогда и нигде не использовал этого сокращения имени Сергей.

Это наш второй дом

Она возвышалась над лесом, как мемориал, как скульптура Родина-мать. Как языческое капище, посвящённое Богу-Солнце, устремляющаяся в небо. Как что-то потустороннее, стоящее на краю посёлка, в самом конце улицы Довженко. Мрачная и нелюдимая, запретная. Закрытая, старая заброшенная водокачка. Монстр, похожий на злобных космических пришельцев из книги Герберта Уэллса. Мощная металлоконструкция из швеллеров и уголков, державшая на уровне верхушек деревьев своеобразный цилиндр, обшитый досками. Внутри цилиндра был бак с водой-сваренная из листового металла бочка с огромной крышкой из досок метров пяти в диаметре, может немного меньше, или больше. Над всей этой конструкцией была дощатая крыша, покрытая оцинкованными листами. На крышу ввёл люк и можно было встать на крышку бака и высунуться из люка, затем оттолкнувшись руками и подпрыгнув, вынести себя на крышу.

Какой замечательный вид открывался с этой водокачки! Верхушки деревьев были ниже крыши и создавалось впечатление что вокруг тебя зелёный океан, а колышущиеся деревья-волны этого беспокойного океана. Алекс часами любовался этими видами. Сравнить было не с чем. И только в Карпатах, находясь в армии, а потом и в других горах, при других, менее романтических обстоятельствах, он испытывал неописуемый восторг от увиденного. Где-то далеко-далеко на горизонте была Москва с её многоэтажками, а вокруг лес, огромный, как тайга. Весь посёлок утопал в этом лесу. И видны были только ближайšie к водокачке дома в конце улицы Довженко. С этой крыши смотрели на майские праздничные салюты, на ней устраивали танцы и дискотеки. Кассетный магнитофон лежал возле люка. Крыша была того же диаметра что и крышка люка под ней. Был огромный шанс во время дискотеки улететь в вечность. Плясали на ней обычно три-четыре человека, самых отмороженных как сейчас говорят. А я бы сказал-отчаянных и бесстрашных. Если добавить к этому тот факт, что танцы часто устраивались не в вполне трезвом виде, можно представить, что чувствовали зрители внизу, жильцы посёлка.

В лето 81-го, 82-го, и может 83-го года водокачка стала основным местом сбора и отдыха. Водокачка и Кафе Лес, о котором я расскажу позднее. Залезть на водокачку было проблематично, так как все лестницы и перила были срезаны газосваркой, после того как она перестала функционировать. Приходилось как-то залезать по этим металлоконструкциям, как правило при помощи товарищей по несчастью. Мальчишки забирались сами, а вот девчонок приходилось затаскивать вдвоем. Один протягивает сверху руку, помогая взобраться, другой страхует снизу, поддерживая и подталкивая. Хотя некоторые атлетические особы забирались без посто-

ронней помощи. Залезть на неё, а тем более слезть, было целое мероприятие. Однако залезали и слезали. Иногда проводя на водокачке целый день. Но оно того стоило. Лёжа на крыше и глядя на облака, возникало не с чем не сравнимое ощущение парения, полёта. И облака плыли и плыли, и ты плыл вместе с ними, а они-смешные, бесконечные, как сама жизнь. А если начинался дождь, приходилось переждать его, лёжа на деревянной крышке бака, иногда засыпая ненадолго. Крыша надёжно защищала от непогоды. Потом надо было дожидаться, когда металл подсохнет и спускаться вниз. В затяжную дождливую погоду на водокачку не лазили. Находили другие места для времяпрепровождения. Безусловно, не всем удавалось забраться на самый верх, а забравшись на крышку бака, не все вылезали на крышу водокачки. Никого никто не неволил.

В конце концов часто собирались в совершенно обычных местах, послушать музыку, последние привезенные из-за бугра хиты. Тогда не знали этого слова. Ну и конечно, советский андеграунд. Нет смысла перечислять все звучащее из кассетников. Магнитофоны были у всех, кто-нибудь обязательно приносил с собой кассетник, и музыка звучала всегда. Со временем возникла четкая привязка определённых песен к определенным событиям. Даже сейчас, услышав по радио знакомую, но забытую и редко воспроизводимую песню, вспоминаются картинки из жизни. Или события, напрямую связанные с этой песней, запомнившиеся в контексте прослушивания определённой песни из определенного альбома определённой группы. Это были своеобразные реперные точки. Да, именно так. По которым сейчас можно чётко сопоставить происходившее тогда. Группа ELO, альбом 1981 года. Заходя за Стасом, познакомился с девушкой, играющей с детьми на детской (условно) площадке. Дети были не её, она как бы нянька. Сбегали в магазин и уселись в их беседке. Её потом чуть не уволили. Дача эта была буквально в двух домах от дачи Стаса и каждый раз проходя мимо и видя за забором эту девушку с детьми, Алекс постоянно испытывал неприятное чувство стыда за свой глупый поступок. И не пытался больше к ней подкатывать.

Группа URIAN HEER. А ты слышал ЮРАЙХИП? Нет. Слушали, обнявшись на скамейке на Украинском бульваре в Москве, где она жила. Это ПИПЛ играет. Серёга Яговкин включил что-то тяжёлое и невозможно громкое и грохочущее, но при этом мелодичное и заводное. В результате слушали целое лето DEEP PURPLE. Это KISS, его нельзя слушать в СССР. Это Антон Борщевецкий, сын режиссёра, сам в будущем режиссёр. Алекс включил кассету, даже не зная, что ему записали. Учились курить, сидя на брёвнах в лесу за дачей Леже. Я был создан, что-бы любить тебя. С альбома Dynasty, тогда понравилась и запомнилась навсегда, на всю жизнь. Уверен, это лучшая песня группы. BEE GEES. Альбомы 77, 78 и 79 годов. Танцы на даче у Аньки, на застеклённой террасе в дождливое лето. Обнималки-обжималки и французские поцелуи, как их тогда называли, и петтинг. Все Альбомы БИТЛЗ. С ними Алекса познакомил в больнице один парень, фанат Битлов. Алекс лежал там с желтухой, подхваченной на юге. Приезжала Анюта (Цветочница), привозила сигареты и бросала их в окно на втором этаже. Был октябрь-месяц. Потом Алекс ездил к этому парню домой, жил он напротив Бородинской панорамы. Переписывали понравившиеся Алексу песни со всех альбомов в один сборник. BELLE EPOQUE. Альбом Бамалама 77 года. Слушали под апельсиновый коктейль. Ты откуда? Фестивальная улица? А где это? Это хоть Москва? Москва, Москва. Пришлось поездить какое-то время, её родители были в загранкомандировке, квартира в новом большом доме из жёлтого кирпича пустовала. Там и уединялись, пили коктейли и наслаждались обществом друг друга, слушая эту музыку. Перед телевизором стояла большая софа или тахта, на которой собственно всё и происходило. Потом её институтская компания их разлучила.

А познакомились на прудике, где он купал собаку. Прудик этот смешной находился возле самой железной дороги, возле переулка без названия, идущего от Серафимовича вниз к железной дороге, в сторону станции Переделкино. Там она и жила на даче с бабушкой, на Серафимовича. Он помог ей достать кошку с дерева, вернее котёнка. Туда его загнала соседская собака.

Собаки уже давно не было, а он, перепуганный и очумелый, вцепившись наглухо в ствол, отказывался слезать. Хоть дерево пили! Когда Алекс спускался, держась одной рукой, другой прижимая зверёныша, ветка обломилась, и он сорвался, не удержавшись на одной руке. Чего-то там порвал из одежды, её бабуля всё быстро зашила. Замазали ссадины йодом, залепили порезы. Бабуле он очень понравился. И своим поступком, и рассудительностью. Вот таким и должен быть первый мужчина. Сказала она тогда. Как в воду глядела. Они поначалу не поняли этой её сентенции. Потом дошло. А соседские мальчишки, к которым она обращалась за помощью, все, абсолютно все отказались под разными предлогами. Особенно поразило объяснение одного разодетого попугая, как назвала его девочка. У меня все вещи фирменные! На Алексе был Врангель, как тогда называли этот бренд, привезённый из-за бугра. Далеко не дешёвая вещь. И футболка с последнего чемпионата мира.

А что до музыки, взять тот же заводной BONEY M. Слушать его можно вечно и бесконечно. А это уже вся Москва, все районы. Много, много групп и песен. И событий. А что-же водокачка? Думали, что она будет стоять вечно, как молодость, которые никогда не проходит. По посёлку поползли слухи об оргиях на водокачке. Родители запретили там появляться даже тем ребятам, которые никогда там и не были. На какое-то время всё затихло и все успокоились. А потом всё началось по новой. Чашу терпения жителей переполнили два последующих друг за другом случая на водокачке. Сначала оттуда упала одна крупная и полная девушка. Нет, конечно не с самой высоты. Где-то внизу. Пытаясь залезть туда или слезть, сейчас уже не вспомнить. Её подружки вызвали скорую и приехавшие врачи, осмотрев девушку, забрали её в больницу. Наверное, это была Черепякина. Через несколько часов, она, невредимая, вернулась обратно. Но местное население всё видело и сделало выводы.

В этот же день к молодёжи, спускающейся с водокачки подошёл делегированный общественностью мужчина пожилого возраста. Он стал увещевать юношей и девушек, пытаясь урезонить их, взывая к комсомольской ответственности. Не найдя понимания, он прибегнул к последнему аргументу. Мы же, писатели, для вас стараемся, ради вас живём и пишем свои книги. Ребятам было скучно, и они веселухи ради вступили в диалог, который я привожу почти дословно. -Ах, так вы писатель?

-Писатель, пишу в том числе и для вас. Вы должны были читать мои книги. Ну, или кино смотреть, снятое по ним.

-Какое, какое кино?

-Ну как же, каждое лето показывают. Одна книга называется Кинжал, продолжение Медная птица. Вы же выросли на моих книгах, почему вы так себя ведете? И фильмы, снятые в 73 и 75 годах, каждое лето показывают. -Как ваши книги называются?

Писатель повторил.

-Идите вы в задницу с вашими книжками и фильмами. Ничего мы не читаем!

Последняя фраза была произнесена под общей гогот. А напрасно! Мало того, что обидели хорошего человека, так ещё и наврали ему. Действительно, все читали эти книги и смотрели эти фильмы. Зачем было врать? Писатель ушёл, уязвленный в самое сердце. Как выяснилось впоследствии, в это время он работал над своей эпохальной трилогией. Пытался опубликовать в журнале Октябрь в конце 70-х часть своего романа. И только в 88-м перестроечного году люди смогли прочесть одну из частей трилогии. Потом и всё остальное, запрещенное к публикации. Как же тяжело ему было видеть современную молодёжь, Детей Водокачки. Писатель в этот же день поделился, конечно с кем-то этой неразрешимой проблемой с водокачкой. Потому что буквально на следующий день из Дома творчества приехала машина-аварийка. Сварщики со страховочными поясами и шлангами залезли наверх, заварили наглухо нижний люк-лаз вовнутрь этого цилиндра. И срезали начисто всё лишнее оставив внешний каркас, на котором держалась бочка. А чтобы аварийщики работали спокойно, внизу дежурил наряд милиции, который предварительно залез на крышу и всё осмотрел, выгнав оттуда парочку.

Всё было кончено. Если как-то умудриться и забраться к нижнему люку, то попасть вовнутрь будет совершенно невозможно. Продольно-поперечная арматура, приваренная к несущей конструкции, не позволяла проникнуть внутрь. Права народная мудрость: что с возу упало, то не вырубешь топором. Водокачная эпопея закончилась. Наверное, это к лучшему. Обязательно кто-нибудь разбился бы. Остались только надписи, сделанные кем-то из девчонок. На металлической балке в самом низу конструкции светло-коричневый краской было написано: Это наш второй дом. И дата.

До первой крови

Что такое ревность? Есть, конечно же, определение этого понятия и примеры из литературных произведений. Всё это так. Когда в посёлке появились чужаки на велосипедах и стали гоняться за девчонками, у Алекса и Серёги поселилась в душе эта самая ревность и огромное желание покончить с этим раз и навсегда. Дело происходило в конце весны-начале лета 1982, кажется, года. Уселись на т-образном перекрёстке, где Лермонтова упирается в Карла Маркса и видно начало улицы Довженко. И всю Карла Маркса влево и вправо соответственно. Рядом лежали две палки-полуметровые сосновые ветки, подтверждающие серьёзность намерений. Никаких разговоров разговаривать не собирались. Шугануть и прогнать заезжих непрошенных гостей. Показались два парня на велосипедах, чужие, не местные. Подъехали девчонки. Это они за нами гоняются и пристают. Тогда езжайте на поляну возле Стаса и ждите. Сказали ребята.

Когда два чувака на великах проезжали мимо, Серёга с Алексом вскочили и с палками в руках направились навстречу, угрожающе что-то выговаривая и настраивая себя на конфликт. Парни чужие не остановились, а заметно ускорились. И вдогонку им полетели палки, одна из которых попала в заднее колесо. Велосипед вильнул из стороны в сторону, но поехал дальше. Алекс и Серёга подобрали свои палки и побежали вслед за чужаками. Те свернули в переулок и пропали из виду. Ребята свернули туда же. Переулок привёл их к месту сбора возле магазина на Энгельса, где все встретились. Ребят распирала гордость за содеянное, девчонок-гордость за своих кавалеров. Кто-то видел, куда поехали чужаки. Через пешеходный переход возле платформы на другую сторону. Значит, деревенские. Эти так просто не отстанут, будет продолжение.

И это продолжение не заставило себя ждать. И буквально на следующий день по улицам поселка стали носиться на велосипедах стайки незнакомых детей 9 -12 лет. Договорились в пять встретиться у магазина всей компанией. Алекс зашёл к Серёге после обеда.

—Девчонки видели мелкоту на великах, нас ищут, разведчики хреновы. Пойдём, что ли?

На перекрёстке Ленина с Сиреневым переулком, идущим вниз, к улице Энгельса, повстречали Илью. Он уже был в курсе и шёл к месту сбора, к магазину. Покурили, поплевали в канаву. Стас сломал что-то в голеностопе и сидел возле магазина. Мелочь пузатая, завидев издали ребят, стоявших на перекрёстке, куда-то быстро испарилась. Появилось ощущение какой-то тревоги.

—Илья, может ты без нас пойдешь, попозже?

—Да чего там, пошли уже.

Не торопясь, все трое направились вниз по переулку.

Навстречу со стороны платформы поднималась толпа. Буквально, толпа. Никто из ребят, конечно не считал этих деревенских. Человек 10-15, несколько взрослых, явно уже отслуживших армию. Толпа окружила этих троих. Взрослые остались позади, вперед же выступили их ровесники. Один, конопатый, с ПТУшной мордой и цепочкой в руке подошел вплотную к Алексу. Краем глаз тот заметил еще двух колхозников, обступающих его слева и справа. Драка началась мгновенно и также быстро закончилась. Наматывая цепочку указательным пальцем левой руки на кулак и вращая её, рябой отвлек внимание Алекса и удалил с правой. Потом ещё какие-то движения, связки защит и ударов.

Помахались недолго. Пресс Алекса принял несколько ударов и Алекс, начисто забыл наставления дядя, маминого брата. Он опустил руки, выбросив напоследок прямой левой в голову ПТУшнику. Попал, но поздно. Чехарда с ударами закончилась. Рябой, потирая подбородок, отступил на шаг назад. А у Алекса из носа брызнула кровь, заливая футболку. Теперь хрен остановишь. У Алекса была плохая свертываемость крови. Делали переливание в детстве. В руке оказался какой-то платок, видимо дал кто-то из взрослых. Алекс прижал этот платок к на глазах распухавшему носу, пытаясь остановить кровь и присел на корточки. Это было тоже самое, что опуститься на одно колено во время боксёрского поединка, дав знак рефери остановить бой и открыть счёт. Тогда Алекс этого не знал. Знали деревенские, которые моментально отошли от Алекса, оставив его в покое. В этот момент к нему подбежал один из тех, кого они Серёгой гоняли палками и попытался ударить ногой. Алекс успел отвернуть голову и удар пришелся в плечо. Кто-то из взрослых что-то гаркнул и выругался матом. Этого балбеса оттащили свои же, надавав подзатыльников.

Алекс прикрыл глаза буквально на мгновение, а когда открыл, никого вокруг не было. Илья сидел на другой обочине с разбитой губой и сплевывал кровь. Серёга вылез из канавы. Ему досталось больше всех. Наверное, потому что отмахивался дольше всех. Или деревенские посчитали его за главного заводилу. Синяк уже нарисовался на скуле и под глазом покраснело. Он шмыгал носом, пытаясь остановить кровь. Подошли к колодцу возле магазина и начали приводить себя в порядок. Слава Богу тогда в колодцах были ведра на цепях или тросах, и никто их не воровал. От магазина подбежали девчонки, кто-то заплакал. Стасик запрыгал к ребятам на одной ноге. Умыли рожи, замыли кровь на футболках. Жалко было Илью, он попал под раздачу ни за что. У Алекса так сильно распух нос, что, когда он говорил, гундосил как слоник из мультика про 38 попугаев. Стало немного веселей.

В магазине взяли крепленого вина, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Пойдем встречать Серёгу Ткаченко, он должен скоро с работы приехать. Он поможет, посоветует. А пока-обсудили драку, согласившись со всем, что произошло. Вспомнили про тогдашнее правило драки. По которому она довольно быстро прекратилась, едва начавшись. До первой крови. Это рыцарское правило действовало тогда на всей территории СССР, от Бреста до Владивостока. Где жили люди. Не звери. В отношениях со зверьём в человеческом обличье это правило тоже работало. Но с прямо противоположным значением. Оно было прописано в нормативных документах, в положении о спецгруппе 5-го отдела 7-го Управления госбезопасности.

Пункт этого положения о применении силы так и назывался, по-простому. До первой крови. После захвата заложников террористами, вызванный дежурный прокурор (или местный прокурор) мог ещё раздумывать. Давать или не давать разрешение на штурм бойцам, точнее на применение оружия на поражение. Письменное разрешение. И далеко не каждый человек в погонах готов написать такое, понимая последствия. Даю санкцию на уничтожение, на убийство, пусть даже отребья и вырождков рода человеческого. Иногда-совсем молодых. Практически-юношей. И если эти выродки убивали заложника, первого заложника, то всё. Все переговоры продолжались чисто формально, для отвода глаз. Бойцы получали приказ на штурм с применением спецсредств и табельного оружия. Без каких-либо ограничений в отношении террористов, проливших первую кровь. И нет необходимости уговаривать впавшего в ступор сотрудника надзорного ведомства, то есть прокурора. Читай положение о спецгруппе 5-го отдела 7-го Управления, вызванной для решения проблемы. Дальновидный Андропов, создавая эту группу, предусмотрел всё, не всё успел сделать. Во время своей негласной поездки в Афганистан, подцепил желтуху, которая добила его большую печень. И почки. Жаль, не долго пожил в должности главы государства, может, навёл бы порядок в стране. Что же касается правила, то вот такое оно интересное, это правило. До первой крови.

Студентка, комсомолка, спортсменка, наконец, просто красавица

Всё это можно было сказать про Сергея Ткаченко, изменив, безусловно, пол в этих определениях. Сергей был самый старшим в компании, но появлялся редко и стоял как бы особняком, снисходительно относясь к остальным подросткам. Жил он на Горького, мотаясь на своём байке по вечерам по всей округе. Он должен был уйти весной в армию. На соревнованиях по мотоспорту зимой разбился на мотоцикле. Поломал рёбра, получил сотрясение мозга, повредил ногу. Ушибы и растяжения не в счёт. К лету уже был огурцом, но со своим призывом не ушёл в советскую армию. Врачи оставили его до осени. Он пошёл работать.

Серёга Ткаченко обладал всеми качествами настоящего мужика. Невысокий, крепко сложенный, занимался борьбой и мотородео, мотокроссом. Он вообще обожал мотоциклы, жил ими, проводя всё свободное время с ними, посвящая им всю свою жизнь. Врачи запретили участвовать в соревнованиях и его интерес к байкам несколько ослабел. Он был похож на молодого Майка Тайсона, будущего чемпиона мира по боксу. Такой же крепко сбитый, с простым суровым лицом, коротко стриженными волосами. Знал всю местную шпану в округе и за её пределами. Откуда? Может из-за мотоциклов, которыми увлекались тогда все гопники. Может, из-за спортсекций по силовым видам. А может из-за того и другого. Обладая непререкаемым авторитетом среди знакомых, здесь он был душой компании, заводилой. И каждое его появление вызывало фурор. Серёга всё выслушал, зашли в магазин и взяли еще выпить.

Алкоголь подчас употреблялся не только в форме развлечения, но и как смазка в мыслительных процессах, когда надо было что-то обсудить, продумать варианты, принять решение. Решение было найдено быстро. Ткаченко зайдёт сегодня вечером к другу в Лукино договорится на завтра. Пойдем завтра втроём. Серёга, его друг из Лукино и Алекс. Яговкин чувствовал себя неважно, видимо всё-таки получил хороший удар. Он остается здесь. Алекс покажет этих чертей или тех, кто с ними был, дальше- дело Сергея Ткаченко его друга. План конечно был безумный, но героический. Идти втроём разбираться против целой деревни, это было уже слишком. Даже по меркам безумных героев. Однако то спокойствие, с которым Ткаченко обрисовал предстоящий визит, вселяло уверенность в присутствующих. На том и порешили.

Вторая часть марлезонского балета

На следующий день, как и было оговорено заранее, встретились на платформе Мичуринец вечером, после того как все закончили работу. Алекс провалялся весь день на диване на втором этаже гаража, точнее, в небольшой мансардной надстройке над гаражом, где у него была своя комната. На дачу сходил только поесть украдкой, чтобы не попасться лишней раз на глаза бабушке и деду. Нос всё ещё был распухший, он гундосил в разговоре, выглядел как-то не ахти. Бабушке сказал, что болит голова, упал с велосипеда. Та принесла варенье, ему передали Демичевы, зная, что он любит всякие сладости. Он съел пару ложек. Варенье было очень вкусное, необычное. Взял таблетки и пошёл в гараж на любимый диван.

Лежал, таращась в потолок, обдумывая предстоящий вечер. Как всё это будет происходить? С чего начать? Как закончить? Он не боялся драки, ещё не научился бояться. Да и дрались тогда корректно, по крайней мере в Москве и ближайшем Подмосковье. До первой крови и как правило один на один. Да, по пьяни происходили ужасные вещи. Поножовщина и тому подобное. Но то по пьяни! И в агрессивной, приклатнённой среде. Алекс не особо умел драться, в секцию бокса не дали справку врачи, а заняться модным тогда Каратэ не удавалось, секции были переполнены. У мамы был знакомый, бывший одноклассник, брат которого вел занятия в секциях каратэ, был чемпионом Москвы и крутым каратистом. Обещала как-нибудь позвонить, поговорить. Но сейчас не побежишь в Москву осваивать технику каратэ, чтобы к вечеру стать таким как Брюс Ли. Да и Серёга Ткаченко не в лучшей форме, все тренировки прекратил, работает, по вечерам расслабляется. Надо будет потом попросить бабушкиного знакомого, недалеко дача. Этот контр-адмирал (в отставке) занимался каким-то экзотическим видом боевых искусств. Обучался ему, когда был долгое время советником не то во Вьетнаме, не то

в Корею. А может-на Кубе. В общем, за пределами Родины. Ну, да ладно, будь что будет. С такими мыслями он и заснул. Проснувшись, посмотрел на часы и побежал на станцию.

Ловите кошку

Встретившись в назначенное время, направились в сторону деревни. В деревню от платформы Мичуринец вели три дороги. Одна, через дамбу на дальний конец деревни, ближе к Боровскому шоссе, к старой полуразвалившейся церквушке, левая пошире, тоже асфальтированная, шла вдоль железной дороги, через железный мосток над ручьём. Узкая асфальтовая дорожка, средняя, вела прямо через поле к центру деревни. По ней и пошли. Серёга объяснил всем, как будем действовать. Не доходя деревни, остановились в поле.

—Как только видишь знакомую рожу из тех что приходили-бей прямо в репу. Дальше мы будем разбираться. То есть я. А кореш мой подключится, если подвалит толпа. И если эта толпа глупая, он с ней разберётся. Всё понял?

Алекс понял всё, кроме одного. Как один человек разберётся с толпой деревенских? Серёга буквально прочитал мысли Алекса.

—А он у нас каратист, чёрный пояс, сейчас готовится к соревнованиям. Пятерых укладывает на татами за 5 секунд. Сколько их было? Пятнадцать? Двадцать? И если эти дурачки полезут все сразу, а не по одному, меньше чем за минуту будут лежать вот здесь. В ромашках и лютиках. А если по чесноку, каждый желающий будет выходить по одному ко мне. Пока я не упаду. Понятно?

Более чем.

Со станции шли люди. Один показался знакомым, из тех что приходили вчера на экзекуцию. Взрослый дядька, наверное, уже отслуживший в армии. Алекс двинулся ему навстречу, не до конца представляя, как он ударит этого мужчину. Да и за что? Может быть именно он дал платок чтобы остановить кровотечение. Мужчина подошел почти вплотную и остановился. Дорожка была узкая и кто-то должен был уступить. Алекс поднял руки намереваясь схватить его за грудки или защититься от удара.

—Погодь! Погодь! Не надо его бить, это хороший дяденька!

Серёга подошел, незнакомый парень улыбнувшись, поздоровался за руку.

—А я думал тебя в армию забрали, обиделся что не пригласил на проводы.

—Нет, осенью ухожу, врачи не отпустили.

Дальше пошла мирная беседа о делах, о жизни, о бабах. Пусть извинят меня читательницы (если они добрались-таки до этого места), но так тогда говорили о девушках, употребляя именно этот термин. Я же пытаюсь воспроизвести всё максимально подробно и точно, насколько позволяет память. После общих разговоров перешли к конкретике. Племянник этого мужчины рассказал, что их гоняли по дачному поселку какие-то звери с палками. Они никому ничего не делали. Хотели только с девчонками познакомиться. Тем более те были не против. А на прошлой неделе наши деревенские подрались на платформе с дачниками Мичуринскими. Получили от тех хороших. Алекс знал про эту драку и знал кто это был, не из их компании. Но не стал говорить. Мужчина продолжил. Подумали, что это те же самые. Разобраться решили. Разобраться окончательно, так как на платформе в драку вмешался какой-то взрослый мужик. Он моему соседу хорошо долбанул. Вот мы и пошли. Все вместе, на случай если те позовут взрослых на разборки. А девчонки эти сами вечером приходили к нам в деревню после конфликта. Теперь всё стало понятно.

Возникла несуразная путаница и глупое стечение обстоятельств. И глупое же поведение Серёги и Алекса, когда они гонялись за деревенскими с палками. Девчонки оказались не из их компании, другие дачницы. Алекс их знал, этих подруг, любящих веселье и приключения (на свою жопу). В драке на платформе Мичуринец участвовала другая молодёжь. Наконец-то разобрались. Серёгин друг, каратист, сказал, что раз всё так замечательно и он здесь не нужен,

то он уходит, так как ему надо готовиться к вечерней тренировке. А что, бывает и утренняя? Обязательно! Ответил, улыбнувшись, каратист. Попрощался и ушел.

Немного позже, когда Алекс сам начнёт заниматься единоборствами, в его жизни появятся помимо вечерних и утренние тренировки, как в зале на татами, так и пробежки. Потом работа на дороге. Есть такой термин для утренней тренировки в боксе. А пока они втроём направились в деревню. Мужчина отдал какие-то распоряжения появившийся молодёжи и поднявшись на бугор над железной дорогой, обустроились на скамейке. Появился алкоголь, закуска и магнитофон. Собралась куча народу. Деревенские жали Алексу руки, извиняясь за недоразумение. Алекс извинялся за свое и товарища глупое поведение в дачном поселке вчера. Пили так называемую мировую. Когда всё принесённые было выпито, в ход пошла домашняя самогонка. Магнитофон орал, все галдели, курили, выпивали. Из динамиков кассетника неслась одна и та же музыка, видимо, была одна кассета, которую переворачивали и гоняли по кругу. Какой-то, наверное, популярный тогда альбом, песни из которого Алекс до этого не слышал. Слушали в компании в основном рок-музыку. Не слышал он больше эту певичку и после тех событий. Алекс перебрал с алкоголем настолько сильно, что не помнил, как оказался на даче и кто его туда приволок. Ещё несколько дней приходил в себя.

По прошествии многих, многих лет он вновь случайно услышал эту песню по Ретро ФМ. Как наяву увидел скамейку на бугре возле железной дороги. Лежащую, как на ладони деревню Федосьино. Огоньки писательского посёлка за железной дорогой, небольшую березовую рощицу напротив, с тарзанкой на кривой березе, склонившейся в сторону железнодорожного полотна... С того момента прошло почти сорок лет. Недавно, когда в очередной раз он услышал эту песню, внутри что-то защемило, зануло и слёзы подступили, разве что не хлынули. В плейлисте радиостанции Алекс нашёл исполнительницу этой песни и её название. Это была Cherry Laine. Ловите кошку.

Понедельник начинается в субботу

Деньги-товар-деньги. Этот известный постулат придуман не на западе, нет. Он придуман у нас в России. Если точнее, то в СССР. В старые времена выходные дни люди ждали как манны небесной. Проводя определенную подготовку к очередным выходным. Те же, кто никак не готовился, всё равно готовились. Морально, рисую в голове картинки отдыха. Масово выходили на пикники в ближайшие лесополосы, уезжали в деревню к родственникам, на дачу к друзьям. На дачи к папе-маме, бабушке-дедушке. Какая бы не предстояла срочная работа, ремонт, копка грядок и так далее. Но всё равно всё сводилось к шашлыку или просто к застолию. С продуктами было не ахти, алкоголь не отличался разнообразием. Но всё же выходные, особенно весной, летом и ранней осенью проходили, как встречи друзей, родных, близких и дальних родственников.

Никаких мобильных телефонов и интернетов не было и в помине. Было простое, живое человеческое общение. Многие, встретив соседа или доброго знакомого возле магазина, брали бутылочку и шли к ближайшей скамейке, брёвнышку, поваленному дереву. Словом, уединялись от посторонних глаз, особенно детских. Там, на этих скамейках, брёвнышках и деревьях обсуждались события, рассказывались разные истории, жизненные ситуации. Рассказывались анекдоты, в том числе политические. Мы же одни в лесу, и никто нас не слышит, а ты на меня не стуканешь, ведь тоже рассказывал только-что анекдот про Брежнева. Да, вот так примерно всё и происходило. Редко бегали за дополнительным алкоголем, ведь выпивали не чтобы нажраться, а пообщаться.

Причём всё начиналось с вечера пятницы. Многие приезжали на дачу в последний рабочий день слегка сокращенный, кто-то договаривался с начальством и уходил с работы после обеда. Вечер пятницы проходил в предвкушении субботнего отдыха. В воскресенье, поделав в какие-то дела до обеда, собирались потихоньку в Москву. Многие уезжали сразу после обеда, в самый пик часов в 5-6 вечера. В самую давку. Электрички шли переполненные, еле-еле про-

тискивались в тамбур. После 10-ти вечера столпотворение утихало. А в 11 можно было спокойно сесть. Ну, не будем о грустном. Что же пятница? Пятница плавно перетекала в субботу, можно было посидеть у костерка допоздна, попить пивка с рыбкой. Помедитировать, глядя на тлеющие угольки и вдыхая, отойдя чуть в сторону, аромат сгорающих фруктовых и березовых веток и палок, брёвнышек. А в субботу поделав до обеда разные срочные дела, предварительно замариновав шашлык или просто договорившись о встрече с будущими собеседниками-собутельниками, спокойно и обстоятельно собрать на стол, нарезать салат, сварить картошки.

Впрочем, кому и как как позволял его кошелек. С утра крайне редко можно было встретить выпивших или пьяных, все были заняты делами. А вот после обеда начиналось веселье. Или в обед, как сообща решили. То тут, там поднимались в небо дымки от мангалов. Раздавался хохот, гогот и женские визги. Включались магнитофоны. И так до самого вечера, переходящего порой в ночь на воскресенье. Бывало, что человек посидев за столом с родственниками, уходил повидаться с соседями или хорошими знакомыми. И вот тогда всё это перемещалась в окружающей дачный поселок лесной массив. В радиусе 50-100 метров в кустах, зарослях, полянках и рощицах было такое невероятное количество уединенных мест, что диву даешься.

Оно и понятно, каждый хотел пообщаться не на глазах у посторонних, даже соседей. В это время можно было пройти по лесу вокруг поселка, то и дело натываясь на микро-компании из двух-трёх, максимум четырёх людей. Причём, не обязательно мужского пола, возраста примерно от 14 лет до 60. Сам наблюдал картину, как два дедка, лет 70-ти сидели у малюсенького костерка из щепок и маленьких веточек, декоративного, со стоявшей на лавочке чекушкой. Был такой формат розлива водки 250 граммов в бутылки. Эта чекушка, она же четвертинка была точной копии большой бутылки 0,5 или 0,7. Люди покупали чекушку. Они не брали потом ещё алкоголь, это была ограничительная доза. Чаще всего чекушки покупали алкоголики или просто выпивохи, которым надо было просто в одну харю, как говорится закинуть водяры. Всё, никакого общения, тостов при употреблении алкоголя им было не нужно. Или бросающие бухать, пытаясь тем самым себя ограничить. Или знающие свою меру, ограничивающие себя. Остальные же обычные люди покупали 0,5 или 0.7 на двоих- троих. Бутылки по три-четыре на компанию брались с некоторым запасом, понимая, что магазин закроется и негде будет взять ещё.

В сумерках начинали потихоньку расходиться по домам. Самые отчаянные разводили костры и веселье продолжалось вплоть до того момента, когда за ними приходили их родные, матери и сёстры и уводили спать. Пустые бутылки никто не уносил с собой, то ли примета плохая, то ли лень тащить. Мусор выносили в том пакете, с которым приходили посидеть выпить. А пустые бутылки, как правило были аккуратно сложены возле бревнышек, скамеек и пеньков. Оставалось в воскресенье утром пораньше взять рюкзак и обойти по кругу все эти значные места. Когда рюкзак набивался полностью, а это происходило буквально за час, он относился в Мичуринский магазин. Анна Ивановна, продавщица забирала стеклопосуду и выдавала пару пузырей бормотухи. Обычно это был портвейн низкого качества. Это были плодово-ягодные или виноградные напитки. Крепленые спиртом до 16-20 градусов. Цена варьировалась от рупь семьдесят до два двадцать. Перечислю некоторые из них: Молдавский белый и розовый, Солнцедар, Осенний сад, Иверия, Анапа, Три топора, он же 777, Вермут белый крепкий, розовый крепкий, Тридцать третий портвейн, Золотая осень, портвейн Кавказ белый или красный и так далее. Всё это изобилие и продавалась во всех подмосковных магазинах и в большинстве Московских. Пустые бутылки стоили десять-двенадцать копеек, в рюкзак их помещалась как раз на два пузыря бормотухи. Рюкзак был один, Серёги Яговкина, он стащил его у дяди. У остальных рюкзаки лежали, или висели на виду, или их вовсе не было. В любом случае под контролем родичей. Поэтому приходилось повторять процедуру еще пару раз.

Принцип товар-деньги-товар действовал неукоснительно. В воскресенье собирали и сдавали тару. Чтобы в понедельник, когда все разъедутся, можно было спокойно посидеть в лесу,

угостив всех желающих и организовать пир на весь мир. Что же до бормотухи, её пили все. От слесаря до академика. Безусловно, на официальных встречах, праздниках и юбилеях употреблялись благородные напитки. А так, в быту, пропустить стаканчик бормотухи с соседом перед обедом для аппетита не гнушался никто. Даже спорили с девчонками по этому поводу. Ненароком столкнувшись с уединившимися для беседы и возлияния знакомыми лицами, мы целомудренно отворачивались и быстро проходили мимо. А потом проверяли, заслав девчонок за пустыми бутылками. Ах, дорогой вы наш профессор медицины, без пяти минут академик, и вы не брезгуете тремя топорами, и собутыльник ваш, вице-президент Академии Наук тоже не прочь закинуть стаканчик портвейна за обсуждением черных и белых шаров.

Да многие, многие из научно-технической интеллигенции и творческой богемы не гнушаясь тем, что пили все. Объяснение, на мой взгляд, простое. Бормотуху можно было и не закусывать, так, цапнуть какой-нибудь яблочко-ягодка-конфетка, выпив полстаканчика для разговора. И не вся она была отвратительная. Могли и не допить, оставив полбутылки. Под водку нужна была хорошая закуска, стол, иначе это просто алкоголизм какой-то. Сухие вина были не в моде, пили их редко, на праздники. Да и были они дороже бормотухи, не везде продавались. И с деревянными пробками(пробковыми) которые не всегда есть, чем открыть. Пластиковые же, бормотушные, открывались вообще зубами, ногтями, просто пальцами. Марочные вина стоили столько, что они того не стоили. Коньяки и разные там Havana Club были где-то в районе червонца и выше, при средней зарплате 120 рэ, это были недостижимые высоты.

Иногда по поводу дня рождения, когда появлялись свои деньги, стипендия, покупался венгерский напиток Рубин или венгерский же вермут для коктейля, какие-нибудь ликеры. Алексу очень нравился Розовый, из лепестков роз (как было написано), действительно вкусный и ароматный. А Бенедиктин? А Шартрез? Можно было спиться, дегустируя одни только ликёры (которыми в магазинах были заставлены полки). Бывали ситуации, когда надо было что-то срочно отметить вечером при встрече какое-то событие в жизни. Тогда приходилось ездить в Москву в дежурный гастроном на Смоленке, сейчас рядом с Макдональдсом. Он работал до десяти вечера, но на прилавок винного отдела после закрытия всех продуктовых магазинов выставлялись (или оставлялись) марочные сухие вина и коньяки. Приходилось покупать, что есть в продаже. Я помню, как сломя голову летели куда-то вниз по Киевской по такому непростительно длинному переходу, глядя на ходу на часы. А ведь еще предстояло проехать одну станцию. Время поджимает, влетаем в гастроном и бегом в винный отдел. Тётка за прилавком понимающе улыбается-успели! Это сейчас кажется смешно. А тогда это был вопрос жизни и смерти.

Надпись на водокачке

Наверное, это была любовь. Первая, настоящая, осмысленная. С бессонными ночами и переживаниями. С ревностью и глупыми поступками. С первыми стихами, такими неуклюжими и по-детски наивными. Главное, чтобы была рифма. Ну и побольше пафоса, восхвалений и откровений. Потом пришло понимание, что она безответная. Не хотелось жить. Точнее жить, как раньше. Что-то должно было меняться, радикально измениться. Потом с возрастом пришло понимание, что так бывает у всех, у многих. Период жизни такой, нежный возраст, как назвал его один автор.

Однажды много лет спустя, когда заботы и хлопоты затмили всё прошлое, в увиденном старом фильме, ранее не обращая особого внимания на эту сцену, услышал объяснение. Объяснение, или разъяснение того что с ним происходило тогда в юности. Объяснение это прозвучало из уст одного из героев этого фильма. Этот старшеклассник очень доходчиво и грамотно объяснил это состояние объекту своей безответной любви, однокласснице. Практически цитирую... человеку всегда необходимо состояние влюбленности. В кого-нибудь. Всегда. Иначе, просто неинтересно жить...

Вот она и подвернулась и совершенно не меняет дело, как она к этому относится. Была бы внутри пружина, которая толкает на поступки ради любимой.

Вот одним из таких поступков и стала идея увековечить имя своей избранницы. Алекс был не первым и не последним, так делали многие влюбленные до него, будут делать и после него. На самом верху водокачки, к тому времени заброшенной и не ремонтируемой, были несколько окошек в разные стороны, наверное, шесть. Одно из них выходило на улицу Довженко. Там давно уже не было стёкол и рамы, полуразвалившиеся, болтались на ветру. Подобраться, залезть в это окно можно было изнутри. Сначала надо было забраться на водокачку по металлоконструкциям. Далее через люк внутрь башни, потом по приваренным к баку скобам залезть на крышку бака. И уже с этой крышки аккуратно спрыгнуть на подоконник. Была огромная вероятность, прыгнув на подоконник, вылететь в открытое окно по инерции, прямо на асфальт, подходящий вплотную к водокачке. Сейчас, с высоты прожитых лет этот поступок выглядит абсолютным безумством. Спрыгнуть-полдела. Надо как-то вернуться обратно на крышку бака. Между деревянной стеной водокачки и огромным баком для воды было расстояние примерно в метр чтобы специалистам можно было обходить бак по кругу, осматривать и заваривать протечки, по необходимости залезая на лестницу. Она, поломанная и сгнившая, лестница эта, валялась частично тут же. Главное-попасть на подоконник и не вылететь в окно. Обратно как-нибудь с помощью товарищей вернуться.

Так рассуждал Алекс, принеся банку с краской и кистью на водокачку. Удалось. Он удачно спрыгнул на подоконник, принял банку с кистью у товарищей. Этой кистью он, усевшись на подоконник, стал выводить имя. Начал писать имя любимой той самой, голубой краской, какой была покрашена дача деда. Обратно ему помогли забраться Серёга и Стас. Оттолкнулся от подоконника и подпрыгнул вверх. Руки прочно встали на крышку бака, и товарищи в четыре руки затащили его к себе. Потом он проделывал это неоднократно. Прикола ради. Посидеть на подоконнике, покурить, посмотреть сверху на посёлок. Помахать рукой знакомым. Одна девушка, живущая поблизости и видевшая всё снизу, при встрече высказывала неоднократно своё восхищение его героизмом. Скорее безрассудством. Видимо тогда она пожалела его самолюбие.

А что же надпись? А надпись так и осталась. И все гуляющие по посёлку, по улице Довженко, все видели это имя. Некоторые знали, каких трудов и риска стоила эта надпись. Кто-то догадывался, как не просто туда попасть. А после того, как водокачку окончательно замуровали, наглухо заварив нижний люк и начисто срезав горелкой всё лишнее, никто и никогда не смог повторить этот поступок влюбленного юноши. Наверное, многие задрав голову, изумлялись и гадали, что же это за Лена такая, ради которой нужно было так рисковать? А она жила неподалёку и не обращала внимания, видимо привыкла и было это для неё как что-то само собой разумеющееся. Как и стихи в её адрес, как и драка с деревенскими из-за неё же. Всё это в далёком прошлом. И водокачки уже нет. И Лены уже нет с нами. Но есть память. Память о той прекрасной юности, которая никогда не вернется, о людях, которые ушли и уже никогда не вернуться. Память. Какой же это дар Божий, нам, людям. Помнить прошлое, вспоминать самое хорошее что с нами было. А вспоминая-переживать всё вновь и вновь.

Кафе Лес

Конечно же не было никакого кафе. А были брёвна, уложенные квадратом с кострищем посередине. На бревнах могли сидеть одновременно человек восемь. Буквально метрах в десяти находилось еще одно такое же сооружение, но попроще. Огромные бревна, лежащие параллельно, на которых, как на столах можно было разложить выпивку и нехитрую закуску при необходимости. Если же собирались просто посидеть покурить и пообщаться под музыкальное сопровождение, то это первый вариант. Из кассетников звучали последние песни нашей полуподпольной эстрады, зарубежные исполнители. Перечислять их нет смысла. Тогда

из-за бугра привозилось невероятное количество поп-музыки, рок-группы. Десятки альбомов переписывалась на магнитную пленку на катушечные магнитофоны, профессиональные студийные магнитофоны. Которые стояли в официальных студия грамзаписи. Эти студии записывали всем желающим на их кассеты или бобины, или же студийные всё, что звучало по радио и показывалась по телевидению. Подпольно переписывались привезённые из заграницы альбомы. У Алекса был знакомый, брат которого как раз занимался этим делом. Неофициально. Потом первая копия продавалась знающим людям, обычно скидывались несколько человек, меломанов. Первая копия-мечта меломана. Потом она переписывалась у кого-нибудь дома с бобин на кассеты, качество записи немного ухудшалось, но не сильно. Кассетные магнитофоны в подавляющем большинстве были монозвучания.

И это было нормально, слушали же в основном во дворе, на скамейке, в лесу, на пляже, в подъезде, в электричке, автобусе. И вся эта музыка шла фоном к посиделкам. А дома, для души можно было послушать тот же Pink Floyd в стереозвучании, слегка прибалдев от этой чудесной музыки. Ну так вот. На большой поляне, в окружении огромных елей, верхушки которых терялись в голубом с белыми облаками небе, собиралась компания эта, которая в конце семидесятых - начале восьмидесятых собиралась на водокачке. То есть на неработающий водонапорной башне в конце улицы Довженко. Эта поляна и называлась-Кафе Лес. Это было второе по значимости, место. После водокачки. Находилась она, поляна эта, в лесном квадрате метров 300 на 300 или чуть больше между улицами Лермонтова, Маркса и Горького. Почему этот пятак леса был не застроен дачами, непонятно. И почему первый дом на Лермонтова начинался не от улицы Довженко, что было бы естественно, а примерно на 300 метров дальше, тоже необъяснимо. Однако факт. Образовался пятак леса, заросший разными деревьями, в основном елями и орешником. Орешника было много и местные приходили за орехами в пору созревания. Лес был заросший и заброшенный. Можно было встретить поленицы брёвен, полусгнившие. Видимо изредка какая-то Лесная служба распиливала упавшие деревья и складировала брёвна для последующей вывозки.

Поляна, на которой находился Кафе Лес была недалеко от дачи Леже. Ворота этой дачи находились в том месте, где Довженко упирается в Лермонтова. По слухам, дача была подарком вдове художника Фернана Леже, Надежде, которая много чего сделала в рамках советско-французской дружбы. Надя Леже, урожденная Ходасевич, по происхождению русская, участвовала в антифашистском сопротивлении в Париже. Художник, талантливый организатор, сестра поэта Ходасевича. Она знала известных художников того времени, Малевича, Пикассо, Шагала. Правительство СССР наградило её орденом и подарило(?) шикарную дачу, построенную из особого красного кирпича в тихом дачном поселке. Сейчас на этой даче проживает известный скульптор, академик, автор невообразимого количество скульптур, живописи, графики. Его произведения до сих пор неоднозначно оцениваются зрителями. На этой же территории находится его музей под открытым небом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.